

Вера Гончарук. «Пора знакомиться». 1-1980

Глава 26. Год Олимпийский...

Наступил 1980 год, год Олимпийский. Москва активно к нему готовилась. Не только объекты Олимпиады строились, но и жилищные кварталы пеклись, как блины. Всё-таки строителей в Москву со всего Союза немало нагнали, да и народ из полуподвалов и тесноты расселить спешили, чтобы перед иностранцами в грязь лицом не ударить! Только на нашем участке обслуживания было шесть строительных общежитий, и в каждом районе, не меньше.

В семье у нас было довольно спокойно, муж после Нового года раза три всего выпил и то не до свинского состояния, так что я пока не волновалась.

А у нас назревали перемены и мы очень на них надеялись. Но, как потом оказалось, зря.

Первыми новую квартиру получили мамин брат дядя Саша с дочерью Леночкой. Им дали двухкомнатную квартиру на Домодедовской. Метро пока там не построили, но автобусы ходили. Район не обжитой, так как ещё всю строился, но народ потянулся заселяться. И наши тоже поехали.

Дядя Саша незадолго до этого овдовел. Тётя Тамарочка умерла от почечной болезни, умирала тяжело, в Первой градской больнице, и мы с Сашей по просьбе дяди Саши по очереди последние дни у неё дежурили. Сам он с ног уже валился, дома ведь Леночка, он и о жене, и о девочке подростке беспокоился. Днём я дежурила, а на ночь Саша меня домой отправил, мне самой в этой атмосфере поплохело, так он один дежурить остался. А ей ничего нельзя, только губы смачивать время от времени, а так она стонет в забытьи, в себя не приходит. Вот так до утра было, а утром, только дядя Саша вошёл, Тамара в себя пришла. Саша потом говорил, что ему показалось, что она всю ночь его ждала, чтобы с ним попрощаться, из последних сил держалась. А ведь оно так и было, тяжело ей было сознавать, что мужа с доченькой одних оставляет. Сын старший у них непутёвый был, ушёл, свою семью создал, потом бросил семью, но и домой не вернулся, скитался по разным углам, по Москве, бродяжничал. В Олимпиаду его со всеми бродягами отловили и из Москвы отселили, а так потом и сгинул где-то.

Вот дядя Саша с Леночкой оттого и получили жильё только на двоих. Они нас с Сашей первыми к себе пригласили, как только обустроились, и мы с детьми с удовольствием к ним съездили, порадовались за них.

А следующим нашим дали квартиры Ладыгиным старшим и младшим, а так как их две семьи, то и квартиры – две, в одном подъезде наметили. Но тут неожиданно студент от одного подъезда отказался, дом один – ладно, а подъезды разные хочу. У них незадолго до этого дочка ещё родилась, Алёнка, вот им и дали трёхкомнатную квартиру, а нашим – однокомнатную на двоих. Нормально.

По этому поводу Нина целый концерт со слезами и причитаниями, типа никто меня не любит, не жалеет, устроила. Как же, сын её побрезговал, в одном подъезде жить не захотел, на чужую бабу равняется, это она змея подколодная его подговорила. Я ей заметила, что никто её не обижает, наоборот, не хотят лишней раз нагружать, а так и любят, и привечают, ведь и в гостях у них, и на даче принимают, чего ещё нужно? Она отвечает: «Посмотрим! Твой вырастет, найдёт себе бабу, посмотрю, коли жива буду, как ты запоёшь». Я говорю: «Да никак не запою, сын же не собственность, не вещь, а человек, он свою судьбу не со мной же, а с женщиной, матерью его детей устраивать будет, а я помогать, а не мешать и ревновать буду». Она не верит, так и остались каждая при своём мнении.

Вот так наши младшие Ладыгины переехали в Марьино, на Батайский проезд. А старшие только вещи с Нагорной на новую квартиру перевезли, расставили, и квартиру закрыли, а жить у нас остались. Мы-то надеялись, а оно вон как вышло.

И на работе перемены. Нужно успеть до Олимпиады отпуска отгулять, так как в Олимпиаду в усиленном режиме работать будем. Ну, мы отпуска раздробили по две недели, остальное потом отгуляем. А во время Олимпиады наши девочки должны будут на выездных точках, возле Олимпийских объектов дежурить, принимать телеграммы, продавать сувениры, осуществлять обслуживание на местах, а отдельно прикрепленные курьеры отвозить принятое на стационарные отделения для быстрой обработки. В общем, как обычно никому не нужной показухой заниматься, для чего только от нашего маленького отделения по четыре человека в день от работы отвлекают, а от больших – вдвое больше. Даже форму специальную пошили и ящики с ножками и переносными витринами выпустили. Аховые деньги потратили. Тогда же к Олимпиаде и международный почтамт на Варшавском шоссе отгрохали. В общем, с размахом работали, недаром строителей со всего Союза в Москву нагнали. Только на одном нашем участочке обслуживания шесть общежитий строительных было. А по всей Москве?! И главное всей этой армии строителей в дальнейшем жильё постоянное в Москве обещали, правда, не всем дали, не перед всеми слово сдержали, но у нас всегда так: наобещают, а потом найдут причины, чтобы выпроводить. Не впервой. Москва тогда от лимита практически задыхалась, да и они не все себя разумно вели, некоторые наглели ужасно, чем москвичей против себя настраивали. Слово лимита просто ругательным было, а ведь в основном они трудились без отдыха на строительстве для тех же москвичей.

Мы с Сашей на первые две недели июля в отпуск в Серпухов поехали с сыном, к дедушке. Во время Олимпиады обоим нужно было быть в Москве. Он дежурил по Москве в отрядах народной дружины и им тоже форму определённую выдали, голубые рубашки-батники, тёмно-голубые брюки, а на кармане надпись «Народный патруль».

Поехали мы с паспортами, так как в Москву без паспорта не пускали перед Олимпиадой. Отдохнули, домой засобирались, хватились, а Сашиного паспорта нет. Вот только с вечера я его на холодильнике положила, приготовила, а сейчас он пропал. Я уже и спросила у всех, и по сумке перешарила, всё перевернула, нет нигде. И мать твердит – не видела и всё тут. Делать нечего, ехать-то нужно. Поехали без паспорта, благо по одному моему нам два билета дали, а Саше паспорт-то всё одно нужен, без него не подежуришь. Ну, дали ему бумагу на работе, по которой в срочном порядке в милиции новый паспорт ему выдали, правда, штраф хороший за утерю взыскали, не без этого. И уж сразу расскажу, что в первых числах сентября, мама неожиданно к нам в гости заскочила, детей потеряла: «милые мои, хорошие», пообедала и мигом обратно засобиралась. Зачем приезжала? Ради пяти минут? Не успела она уехать – Иринка меня в комнату зовёт, протягивает мне Сашин паспорт, старый. Она уроки делать начала, учебник с полки потащила, а вместе с ним и паспорт свалился, а ведь его там не было, не мог он из Серпухова сам прикочевать.

Я и вспомнила, что в последний наш день в Серпухове, мать в сберкассе ходила. Видимо она паспорт не вынимала свой из сумки, а когда Сашин увидела, то решила, что это её паспорт лежит, и убрала его. Так и получилось, что она просто ошиблась, а потом видимо ошибку обнаружила, но признаться слабо оказалось, вот она и подбросила его тишком. Неприятно это было. А почему поняла, что это старый паспорт – в нём штампа о браке не было, только дети записаны и мы смеялись, что Саша может легко брак другой оформлять. А в новом паспорте год заключения брака и дату другую указали, спешили очень. Получилось, что муж со мной брак зарегистрировал раньше на год. Так вот наши службы работали. А Саша до оформления паспорта нового образца так и жил с двумя, хорошо не аферист был, а то бы дел наделал.

Подошло время Олимпиады, и мы стали работать в усиленном режиме. Нас всего двое с Галочкой осталось, а Люба и Мирубан, как молодые на выезде работают. Главное, участок

работы нам выделили на Гребном канале, это ж через всю Москву добираться. Девчонки в пять утра уезжали, а в 10 вечера возвращались и начальнику, Нине Владимировне, приходилось допоздна сидеть, чтобы отчёт денежный у них принять и новый товар на следующий день выдать. С ними ещё два оператора с почты и два почтальона, как курьеры с отдела доставки. Так что две недели в авральном режиме работали и девочки и мы. А мы с Галочкой договорились по целому дню, через день работать, так проще было, чем каждый день смену друг дружке сдавать. А Саша, тот и вовсе без выходных дежурил, мы в выходной с ним однажды вместе по его участку ходили. У него маршрут от Белорусской до Маяковки, туда обратно, если смотреть от Белорусского, то по правой стороне, а другие – по левой навстречу ходили. Они должны были следить за порядком, за оставленными вещами и наблюдать поведение публики, а в случае чего старшему сообщать, что и делали. Вот тогда я более всего убита была, когда мимо нас сборная Риги, баскетболистки прошли. Мы себя рядом с ними пигмеями почувствовали. Уж если Саша, 1.83, малыш рядом с ними, то я вообще вошка, под ногами путалась. Так что каждому заделье нашлось в те дни.

А ведь за год перед Олимпиадой не менее семи терактов в метро произошло, но о них молчали, только рапорта и сводки по милиции проходили и по горкомам. Тогда же и урны из метро поубирали, по этой причине.

А саму Олимпиаду мы только по телевизору и видели, а наяву некогда было посещать соревнования, ни денег, ни времени не хватало. Так уж оно почти у всех москвичей было, мимо событие плыло, только нагрузка наваливалась, а праздник – не про нас. Так уж жизнь устроена.

Помню, когда закрытие смотрели, то плакали под песню о Мишке и под его пролёт, очень трогательно, по-человечески трогательно было. Вот и не были, а словно с чем-то родным расставались. И так бывает.

А там и год на закат покотился. Саше куртку новую очень красивую купили на премию, что за эти дежурства он получил. Правда, недолго он её поносил. Но это другая история. А в ноябре я ему сообщила, что, кажется, я беременна. Вот радости было. Он очень дочку хотел, мы и имя придумали, Дашенька назовём. Правда, «загад не бывает богат», но об этом тоже потом. И Саша снова, после того, как узнал о ребёнке снова начал почаше прикладываться к спиртному, сначала понемногу, но постепенно всё больше. Тут и оправдание себе нашёл – у него его любимый начальник умер. Вот он вроде бы и скорбел по нему. Да, впрочем, причину всегда оправдательную найти можно.

